

Анна ПАВЛОВСКАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОЛОДА В «БЛОКАДНОЙ КНИГЕ» А. АДАМОВИЧА И Д. ГРАНИНА

*The Study of Mass Starvation in A Book of the Blockade
by A. Adamovich and D. Granin*

Keywords: *Adamovich, Granin, A Book of the Blockade, starvation*

Contact: *Masarykova univerzita; 487941@mail.muni.cz*

«Блокадная книга» (1977–1981) – это документальная хроника, роман-репортаж, роман-оратория (о жанровой принадлежности произведения ведутся споры), созданная А. Адамовичем и Д. Граниным. В книге нет традиционного, последовательно развивающегося сюжета. Для достижения цели авторы используют подлинные документы, фотографии, дневники, в книге звучат исповеди людей, переживших блокаду, а также голоса самих авторов. В некоторых главах Д. Гранин и А. Адамович группируют свидетельства разных людей по темам: работа, похороны, спасатель и т.д., данный «коллаж» помогает наиболее полно выразить творческий замысел.

Автором идеи стал А. Адамович, который являлся одним из создателей документальной книги «Я из огненной деревни» (1975). Название «Блокадная книга» содержит отсылку к «Чёрной книге» – сборнику документов и свидетельств очевидцев о преступлениях против еврейского народа на оккупированной территории СССР и Польши в годы Холокоста (написана в 1943–1945 годах коллективом под руководством И. Эренбурга и В. Гроссмана, первая публикация – 1994 год). Книги о блокаде создавали и ранее, однако они не акцентировали внимание на блокадном быте, психических отклонениях, отчаянии и других явлениях, которые считались «грязными» и разрушающими картину коллективного героизма. А. Адамович и Д. Гранин использовали официальную риторику, дополняли книгу идеологически правильными выводами, писали о роли партии, однако даже после выхода с купюрами в журнале «Новый мир» (№ 12 за 1977 год, «Главы из блокадной книги») на печать был наложен запрет (печать стала возможным только в 1984 году).

Что же мотивировало авторов на создание книги? И Д. Гранин, и А. Адамович были участниками Великой Отечественной войны, они не понаслышке знали о том, сколько горя и жестокости несёт война. Авторы полагали, что откровенные истории людей, переживших блокаду, станут своеобразной прививкой от желания развязывать войну, а также от «моральной дистрофии» у нового поколения. Книга необходима и для того, чтобы сохранилась преемственность, память поколений: *Нет, требовать этого от человека, выросшего в сытости, в тепле, нельзя, ему рассказывать надо терпеливо, убедительно, воображение его разбудить. Преемственность поколений налагает обязанности на тех и на других. Новые поколения должны узнать, услышать рассказы людей, которые все это перенесли и пережили* (Адамович, Гранин 2020: 38).

Голод в художественной и научной литературе

Авторы, в частности А. Адамович, перед началом работы попытались изучить вопрос изображения темы голода в литературе. Создатели «Блокадной книги» пишут о том, что массовый голод, безусловно, был и ранее описан в литературе, например, Баркулабовской летописи. Также ими цитируется книга «География голода» 1954 года, речь идёт о том, что от голода погибает гораздо больше людей, чем от эпидемий, при этом данному вопросу не уделяется должное внимание (де Кастро 1954: 31). Роман лауреата Нобелевской премии норвежца К. Гамсуна «Голод» (1890) – *единственное до сих пор произведение мировой литературы, где голод человека стал основой сюжета, предметом тщательного писательского исследования. Голод погружает героя романа в такую замкнутость существования, которая исключает взаимопонимание с сытым благополучием окружающих* (Адамович, Гранин 2020: 43). Интересный обзор художественной литературы на тему голода делает А. Емельянов в труде «Голод в отражении русской литературы и публицистики» (1921 год). Он приводит 22 наименования, среди которых пьеса «Царь-голод» (1908) Л. Андреева, очерки А. Панкратова «Без хлеба» (1913), «Хлеб везут» (1897) Е. Чирикова, пьеса «Голод» (1905) С. Юшкевича и многое другое (Емельянов 1921: 30–31).

Тема голода в художественной литературе также является предметом исследования русскоязычного литературоведения. Как пример подобных работ можно привести исследования «Отклики Николая Лескова и Глеба Успенского на

голод 1891–1892 годов» (2021) Н.Ю. Филимоновой¹, «Картина бытия в "Солнце мертвых" И.С. Шмелёва и литературный контекст» (2021) С. Чэнь², «Отражение темы голода 1921 года в творчестве татарских писателей» (2016) М.А. Ахметовой³, «Тема Голода в поэтическом сборнике Д. Игана "Голод"» (2012) А.Л. Савченко⁴. Таким образом, данная тема является актуальной и сегодня.

Голод в первой части «Блокадной книги»

«Блокадная книга» состоит из двух частей: первая содержит разговоры с блокадниками, вторая – материалы из дневников. Индивидуальные исповеди людей, прошедших блокаду, создают целостную картину того, что представлял собой голод в Ленинграде.

Голод как оружие. Голод для блокадника – это враг, поделщик нацистов, *наёмный убийца, который нащупывал глотку своих жертв* (Адамович, Гранин 2020: 59), средство достижения цели: *блокадный голод, так же как голод лагерный (и как освенцимский и прочие крематории), числился в арсенале главных средств, с помощью которых фашисты (осуществляли свои планы истребления целых народов, "обезлюживания" целых стран* (Адамович, Гранин 2020: 45).

Описания физиологического характера. В книге достаточно много описаний физиологического характера, которые призваны отразить то, насколько существенно менялся облик человека-блокадника. *Жёлтое лицо, остановившийся взгляд, заметно терялся голос, нельзя было по голосу судить – мужчина это или женщина, дребезжащий голос, существо, потерявшее возраст, пол (...)* (Адамович, Гранин 2020: 72), примерно такое ощущение, что ногу не поднять. Понимаете ли? Вот такое ощущение, *когда на какую-то ступеньку ногу надо поставить, а она ватная. Вот так во сне бывает: ты вроде готов побежать, а у тебя ноги не бегут. Или ты хочешь кричать – нет голоса* (Адамович, Гранин 2020: 50). Последствия пережитого голода оставались с блокадниками на всю

---

¹ Филимонова, Н.Ю. Отклики Николая Лескова и Глеба Успенского на голод 1891–1892 годов. *The Scientific Heritage*. 2021 (65/4), с. 43–46. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otklike-nikolaya-leskova-i-gleba-uspenskogo-na-golod-1891-1892-godov> (2022-04-21).

² Сюэ, Ч. *Картина бытия в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева и литературный контекст*. Москва: МГУ, 2021. Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/kartina-bytiya-v-solntse-mertvykh-is-shmeleva-i-literaturnyi-kontekst> (2022-04-21).

³ Ахметова, М.А. Отражение темы голода 1921 года в творчестве татарских писателей. *Приволжский научный вестник*. 2016 (61/9), с. 21–23. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-temy-goloda-1921-goda-v-tvorchestve-tatarskih-pisateley> (2022-04-21).

⁴ Савченко, А.Л. Тема Голода в поэтическом сборнике Д. Игана «Голод». *Вестник ТГПУ*. 2012 (4), с. 43–46. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-goloda-v-poeticheskom-sbornike-d-igana-golod> (2022-04-21).

жизнь: *Осталось у нас с мужем ещё до сих пор чувство пережитого голода во рту. Он иногда говорит: «Есть не хочется, но горят зубы, это все блокада, будь она неладна!» И мне есть не хочется, но ноет язык* (Адамович, Гранин 2020: 43).

Употребление в пищу несъедобных вещей, домашних животных. В перечне блокадной еды всякое можно найти – конопляные зёрна от птичьего корма, и самих канареек, и дроздов, и попугаев, собирали мучной клей от обоев, извлекали его из переплётов, вываривали приводные ремни, ели кошек, собак, ворон, потребляли всякого рода технические масла, использовали олифу, лекарства, специи, вазелин, глицерин, всевозможные отходы растительного сырья. Одна женщина разрезала, варила и съела шубу из сусликового меха (из рассказа Степанчук М.Г.) (Адамович, Гранин 2020: 61). Целая глава книги посвящена домашним животным. Если же удалось уберечь питомца от себя и от других людей, это считалось предметом гордости: *Много значило для этой семьи то, что не был съеден кот. Спасли кота. Страшный он стал, весь обгорелый оттого, что терся боками о раскалённую «буржуйку». Но не съели* (Адамович, Гранин 2020: 186).

Воровство. Пытаясь в отчаянии спастись от смерти, часто не отдавая себе отчета, люди шли на воровство, часто это были подростки, у которых хватало сил, в отличие от детей, однако было недостаточно психологической стойкости, характерной для взрослых: *И вот только я беру у продавца этот хлеб, и вдруг какой-то парнишка, голодный, истощённый парнишка лет шестнадцати-семнадцати, как выхватит у меня эту буханку хлеба! Ну и стал скорей кусать от голода – ест, ест, ест её!* (Адамович, Гранин 2020: 100).

Ленинградские дети. Тема, которая часто вызывает особое сочувствие – это ленинградские дети, невинные жертвы войны. Они тихие, не шалят, думают только о хлебе, шокируют родителей просьбами о самоубийстве. Их узнавали по старческим личикам, походке, но прежде всего по глазам, видевшим всё (Адамович, Гранин 2020: 229). *Малыши пытаются справиться с чувством голода с помощью навязчивых движений: мальчики и девочки рвали, стригли бумажки, сидели, покачиваясь из стороны в сторону, что-то ковыряли непрерывно, методично, стараясь как-то заглушить сводящее с ума чувство голода* (Адамович, Гранин 2020: 33). Они мечтают о пище: *Пробовала рассказывать сказки, но он плохо слушал и всё перебивал меня: «Знаешь, мама, я хлеба съел бы вот такую буханку, большую» – и показывал на круглый таз* (Адамович, Гранин 2020: 403).

Хлеб как символ жизни. Хлеб превращается в высшую ценность, в символ жизни: *Слово «хлеб» обрело, восстановило среди всего этого свой символический смысл – хлеб насыщенный. Хлеб как образ жизни, хлеб как лучший дар земли, источник сил человека* (Адамович, Гранин 2020: 62), *когда умирал человек и ты к нему подходил, он ничего не просил – ни масла, ни апельсина, ничего не просил. Он только тебе говорил: дай крошечку хлеба! И умирал!* (Адамович, Гранин 2020: 62).

Смерть. Массовый голод – это неизбежные смерти, «тихая» гибель. *Массовый голод – это тихие смерти: сидел и незаметно уснул, шёл – остановился, присел (...)* (Адамович, Гранин 2020: 63). Однако смерть перестаёт пугать и шокировать, трупы становятся частью привычного пейзажа: *У дистрофиков нет страха. У Академии художеств на спуске к Неве сбрасывали трупы. Я спокойно перелезала через эту гору трупов (...)* *Казалось бы, чем слабее, человек, тем ему страшнее, а не нет, страх исчез. Что было бы со мною, если бы это в мирное время, – умерла бы, от ужаса. И сейчас ведь: нет света на лестнице – боюсь. Как только люди поели – страх появился* (Адамович, Гранин 2020: 181).

Голод в дневниках: вторая часть «Блокадной книги»

По мнению авторов, документ, созданный в моменте переживания события, вернее воспоминаний. В Ленинграде жило много представителей интеллигенции, для которых ведение дневника являлось частью каждодневной рутины, привычкой. Создатели «Блокадной книги» выполняют обзор предоставленного им материала. Некоторые дневники, исследуемые авторами, содержали главным образом информацию, сколько продуктов было получено и съедено: *Ходил в столовую на Чубаровом пер. Скушал четыре порции каши из дуранды – больше ничего не было. За кашу оборвали 50 гр. Крупы (...)* *Каша плохо переваривается, чувствую боли в желудке* (Адамович, Гранин 2020: 158). Однако многие из них носят личный характер, являются отражением судеб. Во второй части «Блокадной книги» авторы выводят на первый план трёх героев: подростка Юру Рябинкина, директора Архива Академии наук СССР Георгия Князева и молодую маму Лидию Охупкину.

Дневник Юры Рябинкина вначале рассказывает о его мечтах, планах, учёбе, но постепенно интересы мальчика начинают ограничиваться едой, её пересчётом, всё чаще он описывает своё болезненное состояние: *от голода так и скребёт в животе и слюна течёт* (Адамович, Гранин 2020: 349). Юра видит еду во сне: *Засыпая, каждый день вижу во сне хлеб, масло, пироги, картошку. Да ещё перед*

сном – мысль, что через 12 часов пройдёт ночь и съешь кусок хлеба (...) (Адамович, Гранин 2020: 382). Подросток начинает злиться на тётю, которая не находится в блокадном Ленинграде, завидовать, что ей не приходится переживать подобные тяготы, дома начинаются регулярные ссоры: *Все мы издёрганы. У мамы я давно не вижу спокойных слов. Чего ни коснётся в разговоре – ругань, крик или истерика, что-то в этом роде. Причина (...) Причин много – и голод, и вечный страх перед обстрелом и бомбежкой* (Адамович, Гранин 2020: 384). Голод заставляет Юру идти на недостойные поступки: съесть бездомного кота, взять пару ложек супа у соседки, ненавидеть сестру, которая якобы получает больше еды. Собственное состояние вызывает у Рябинкина моральные терзания: *Какой я эгоист! Я очерствел, я (...) Кем я стал!* (Адамович, Гранин 2020: 389). Со временем записи становятся всё более скудными, они посвящены исключительно пище: *Как бы я сейчас поел хлеба ... Хлеба ... Хлеба ...* (Адамович, Гранин 2020: 395), *есть! Еды!* (Адамович, Гранин 2020: 444). Последние записи дневника представляют собой бессвязные предложения и повторы слов «хочу есть, умираю», написанные крупными буквами. Юра Рябинкин, как полагают авторы, погиб.

Директор архива Георгий Князев в своём дневнике долгое время не упоминает тему голода, пищи. Он замечает, что об этом скучно писать, старается концентрироваться на своей внутренней жизни, делах Архива. Однако в какой-то момент город проникает в его записи: *Вот он не только постучался, но и вошёл костлявыми шагами – голод* (Адамович, Гранин 2020: 358). Вызывает уважение то, как Князев старается бороться с чувством голода, сохранить чувство собственного достоинства. Но встречаются и записи, наполненные сожалением: *А мне легче, что ей лучше стало, и ещё больше, грустнее от сознания, от чего мы, наше состояние, настроение, отношения зависят! (...) От четверти фунта хлеба!* (Адамович, Гранин 2020: 476). Князеву и его жене периодически приходят мысли о самоубийстве, это более благородная альтернатива мучительной медленной гибели: *Но так как умирать от голода очень мучительно, то придётся как-то по-другому умирать. Ты убьёшь меня, а потом и сам (...) И говорит это М.Ф., моя жизнерадостная, любящая жизнь жена-друг (...)* (Адамович, Гранин 2020: 363). К счастью, Князев и его жена пережили блокаду.

Смыслом жизни молодой мамы Лидии Охупкиной становится сохранение жизни детей. Она готова в прямом и переносном смысле питать их собственной кровью: *Я тогда, чтобы она могла уснуть, давала сосать ей свою кровь. В грудях молока давно не было, да и грудей совсем уже не было, всё куда-то делось. Поэтому я прокалывала иглой руку повыше локтя и прикладывала дочку к этому*

месту (Адамович, Гранин 2020: 399). Крайне сложно сохранить терпение и понимание в подобных обстоятельствах. Охупкина физически наказывает сына, когда он пытается отнять сухарь у младшей дочери: *я услышала, что она заплакала. Это Толик отнял у нее сухарик, так как я ему не дала, потому что у меня больше не было. Я вернулась и его побила первый раз. Он громко плакал, и мне его тоже стало очень жалко. Я сказала, что, если ты будешь у Ниночки отнимать, я тебя выкину на улицу* (Адамович, Гранин 2020: 402). Тошнотворный эпизод с чесоточной тряпочкой, упавшей в суп с руки ребёнка (суп выливать не стали, съели), становится для авторов уровнем человеческих страданий: *это запомнилось как отметка (вот докуда дошли), и вспоминали о тряпочке, не стыдясь, не укоря себя. До того мы голодные были, до этой тряпочки! Человек часто хранит в себе, в памяти своей, такую отметку страдания, муки, предела чувств своих, такую "тряпочку", то ли помогает она, то ли служит какой-то точкой отсчета (...)* (Адамович, Гранин 2020: 403). К концу войны Охупкина потеряла дочку, однако осталась жива сама и спасла сына.

Авторы подмечают, что у многих блокадников были точки опоры не только с самим себе: *Если определить главное, что происходило в каждом из них, то, наверное, это будет: работа совести – у Юры Рябинкина, работа разума, духа – у Георгия Алексеевича Князева и работа любви – у Лидии Охупкиной. Это, конечно, упрощение, в нём многое теряется, но именно эти три начала прежде всего представлены в их дневниках, записках. Так получилось – трое наших героев воплотили три решающие опоры человеческого бытия* (Адамович, Гранин 2020: 492).

Заключение

А. Адамович и Д. Гранин ставили перед собой цель дать голос людям, пережившую ужасную трагедию – блокаду Ленинграда. Им удалось воссоздать атмосферу страшного голода, отчаяния, подлости и вместе с тем героизма, взаимопомощи среди ленинградцев. В том, числе, благодаря авторам, тема блокады Ленинграда актуальна и сегодня, по прошествии 80 лет с её начала. К примеру, в 2009 году фильм «Читаем "Блокадную книгу"» известного режиссёра А. Сокурова был показан на Венецианском кинофестивале. А. Сокуров завершает фильм словами: «История никуда не уходит, она рядом». Память живёт, что и было целью авторов «Блокадной книги».

Summary

Ales Adamovich and Daniil Granin set a goal to give a voice to people who survived the terrible tragedy - the blockade of Leningrad. This paper examines the depiction of mass starvation in two parts of *A Book of the Blockade*. Various aspects of the image of famine in the book are considered: death, psychological deviations and physical changes, eating inedible things and pets, and much more. The image of mass starvation in the diaries of people who were in the siege of Leningrad is also analyzed. Adamovich and Granin succeeded in recreating the atmosphere of terrible hunger, despair, meanness and, at the same time, heroism and mutual assistance among Leningraders.

Литература

Адамович, А., Гранин, Д. *Блокадная книга*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.

Ахметова, М.А. Отражение темы голода 1921 года в творчестве татарских писателей. *Приволжский научный вестник*. 2016 (61/9), с. 21–23. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-temy-goloda-1921-goda-v-tvorchestve-tatarskih-pisateley> (2022-04-21).

де Кастро, Ж. *География голода*. Сокр. пер. с англ. Москва: «Иностранная литература», 1954.

Емельянов, А.П. *Голод в отражении русской литературы и публицистики. Указатель книг, журнальных и газетных статей по истории голода в России и вопросам, связанным с ним*. Казань: Государственное издательство. Казанское отделение, 1921.

Савченко, А.Л. Тема Голода в поэтическом сборнике Д. Игана «Голод». *Вестник ТГГПУ*. 2012 (4), с. 43–46. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-goloda-v-poeticheskom-sbornike-d-igana-golod> (2022-04-21).

Сюз, Ч. *Картина бытия в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева и литературный контекст*. Москва: МГУ, 2021. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/kartina-bytiya-v-solntse-mertvykh-is-shmeleva-i-literaturnyi-kontekst> (2022-04-21).

Филимонова, Н.Ю. Отклики Николая Лескова и Глеба Успенского на голод 1891–1892 годов. *The Scientific Heritage*. 2021 (65/4), с. 43–46. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkliki-nikolaya-leskova-i-gleba-uspenskogo-na-golod-1891-1892-godov> (2022-04-21).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0